

УДК 111.8:316.454.5:130.121:130.3:94:316.7:165.62*Э.Гуссерль

Конституирование темпоральных структур исторической памяти и их трансцендирование в социокультурном пространстве (на основе феноменологии времени Э. Гуссерля)

Д.В. МАЛАХОВ

Статья посвящена рассмотрению форм конститутивного наполнения ретенциальных комплексов, актуализирующих в памяти события прошедшего времени. Методологический подход определён исходя из принципов феноменологического реализма. Выделяется сущностный аспект конституирования темпоральных структур исторической памяти, в соответствии с которым эйдос события выступает в качестве интенционального восполнения отсутствия или недостатка непосредственных переживаний исторических событий как действительных воспоминаний о них. Эйдетический сегмент конституирования темпоральных структур актуализации событий прошлого определяет способы трансцендирования конституируемых смыслов в социокультурном пространстве исторической памяти.

Ключевые слова: Гуссерль, феноменология, интенциональность, трансценденция, историческая память, событие, темпоральность, ретенция, континуум, смысл, эйдос, социум.

The article is devoted to the consideration of the forms of constitutive filling of repotential complexes that actualize the events of the past in memory. The methodological approach is defined based on the principles of phenomenological realism. The essential aspect of the constitution of the temporal structures of historical memory is highlighted, according to which the eidos of an event acts as an intentional replenishment of the absence or lack of direct experiences of historical events as real memories of them. The eidetic segment of the constitution of the temporal structures of the actualization of past events determines the ways of transcending the constituted meanings in the social-cultural universe of historical memory.

Keywords: Husserl, phenomenology, intentionality, transcendence, historical memory, event, temporality, retention, continuum, sense, eidos, society.

Совершенствование личностных и социальных форм актуализации исторической памяти является существенным требованием современности. В белорусском обществе манифестация смысла исторической памяти направлена в основном на такие значимые события двадцатого века, которые для большей части социума не являются событиями собственных памяти, опыта, переживаний. Возможно ли, в таком случае осмыслить историческое событие в качестве собственного достояния на глубинных ценностно-императивных, смыслопорождающих уровнях развития личности и социума? Возможна ли интеллектуальная эмпатия в отношении таких *сверхзначимых* событий, как Великая Отечественная война, Холокост, огненные деревни Беларуси и нацистские лагеря смерти для тех, кто родился на рубеже двадцатого и двадцать первого столетий? Согласно принципам феноменологической философии подобная *трансвременная* эмпатия возможна на уровне смыслополагания, что подразумевает *осовременивание* указанных событий в конститутивных актах сознания. В целях экспликации перспектив актуализации событий прошлого в форме присутствия их в настоящем времени в качестве *смысла*, мы обратимся к анализу конституирования темпоральных структур памяти в том виде, как они представлены в феноменологии времени Эдмунда Гуссерля.

Методология исследования базируется на комплексе идей, связанных с таким направлением феноменологической философии, как *феноменологический реализм*. Применительно к философии сознания времени Гуссерля принципы феноменологического реализма будут рассмотрены по ходу работы. Сейчас же отметим такие общие характеристики, как признание значимости трансценденции по отношению к сознанию в аспекте постоянной корреляции между ним, трансцендентным, как *сущим* единством и процессом интенционального нозо-ноэматического конституирования идеальной предметности [1], [2], а также утверждение о динамическом единстве естественной и трансцендентальной, или онтической и онтологической, установок сознания [3], [4]. Под конституированием темпоральных структур памяти мы будем понимать комплекс таких актов интенционального сознания, который обеспечива-

ет, с одной стороны, восприятие и смысловое схватывание прошедшего события и, с другой, его удержание и актуализацию в сознании в настоящем времени. В контексте современной специфики актуализации исторической памяти особую значимость имеет социокультурная адаптации смысловой результирующей конститутивных актов. Трансцендирование конститутивных актов смыслонаделения понимается в гуссерлевском проекте социальной феноменологии как порядок «о-душевления» [5, с. 92] психической жизни личности, транслируемой в социум на внутреннем, императивном уровне межличностного взаимодействия. Таким образом, второй задачей работы является конкретизация *содержательных* аспектов трансцендирования конститулируемого смысла в социокультурном пространстве исторической памяти.

Конститутивная активность внутреннего сознания времени эксплицируется гуссерлевским понятием *дления*. Как отмечает В.Л. Васюков, «Гуссерль рассматривает каждую конститулируемую сущность – каждую индивидуальную вещь – как длящуюся, и даже более того – как длящуюся с необходимостью, т. е. продлённую во времени и самотождественную в этом продлённом существовании, которое также может рассматриваться как процесс. Эта разновидность продления – продления с необходимостью – по-видимому является ключом ко всему» [2, с. 104]. Действительно, согласно Гуссерлю, сущее, в отношении которого ведётся конституирование интенциональных полей смысла, «существует непрерывно во времени и есть тождественное в этом непрерывном бытии, которое может одновременно рассматриваться как процесс» [6, с. 77]. В этом замечании представляется важным имплицитное указание, с одной стороны, на дление, а с другой – на единство. Характер этого единства является определяющим для дальнейшего хода работы, поэтому остановимся на нём подробнее. Согласно Гуссерлю, поток внутреннего сознания времени есть «всецело трансцендентальное качество» [6, с. 79], т. е. *само* имманентному потоку не присущи *содерживающие* параметры объективного течения времени – в своей активности он оказывается от них практически свободен.

Однако, в истории феноменологии вновь и вновь возникает вопрос, в какой мере единство абсолютной субъективности внутреннего потока сознания *удерживает* корреляцию с единством объективно длящейся временности, т. е. с действительным событием, которое, по идее, должно в хоть в какой-то мере определять *единство* внутреннего потока сознания времени? Принятый в настоящей работе методологический принцип феноменологического реализма не позволяет рассматривать внутренний поток сознания времени как полностью *изолированную* от трансценденции абсолютную субъективность. Как будет показано далее, это имеет основания в понимании *целостности* самого внутреннего потока сознания и конститулируемых в нём идеальных предметностей. По верному замечанию О.Ю. Кубановой, неустранимость из внутреннего потока сознания трансцендентного начала связана с тем, что «каждое новое переживание всегда возникает как каким-либо образом связанное с уже имеющимися и своим возникновением изменяет связи, до сих пор существовавшие», когда именно «в первичном временном потоке создаётся Так-бытие моего сознания, первая абсолютная сфера твёрдой истинной предметности, в неустранимой действительности которой коренится очевидность моего восприятия мира» [5, с. 97].

Следует добавить, что сам Гуссерль посредством уточнения смысла первоначального нерелексивного впечатления (*impression*), или трансцендентной «материи» восприятия (*hyle*), внёс серьёзные коррективы в мысль об абсолютно трансцендентальном характере внутреннего потока сознания времени: «Нерелексивное окружение необходимо. К нерелексивному окружению с необходимостью относится гиле, и мы можем говорить об относящихся к необходимой сущностной форме сферы внутреннего гилетического окружении в качестве безусловной первой необходимости. Ни одна точка имманентного времени невозможна без этого первого объективного содержания, как и никакое Теперь в ориентированном имманентном времени без гилетического прото-впечатления, которое затем переходит в (ретенциальные и протенциальные) модификации необходимой, конституирующей гилетические временные предметы (*Zeitgegenstände*) жизни» [7, с. 161]. То есть, единство трансцендентно данное («вторичное» в гуссерлевской терминологии) и единство конститутивное («первичное»), выступают как *трансцендентно-имманентное* единство объективного времени и внутреннего потока сознания времени. В трансцендентно-имманентном плане дление сущего / события обеспечивается единством *перво*впечатления, имманентных актов его удержания и последующего конституи-

рования форм его смыслового присутствия в сознании. Данное единство, по всей видимости, и призвано обеспечить единство *внутреннего темпорального потока сознания*. Действительно, если трансцендентное событие было воспринято и имманентизировано сознанием, то *трансцендентно-имманентное единство* в перспективе своей длительности образует, по выражению Гуссерля, *Теперь-точку*, которая и должна быть воспроизводима посредством имманентных потоку сознания и конститутивных актов в реальном объективном времени. Это, собственно, и есть феноменологическое понимание памяти. В отношении же *исторической* памяти следует указать, что в феноменологическом способе актуализации событий прошлого простые воспоминания о событии не рассматриваются в качестве удерживающих и конститутивных форм его актуализации. Память должна, скорее, осуществить построение временной последовательности *пиковых*, или предельных, состояний события – его своеобразных «смысловых сгустков», когда изначальная *Теперь-точка* события воспроизводится как актуальная *здесь и сейчас* – в корреляции объективного времени и внутреннего времени субъекта памяти.

Теперь обратимся к понятию *ретенции* – имманентному потоку сознания времени, поддерживающему темпоральное дление события в сознании (вследствие специфики настоящей работы мы решили не обращаться к понятию *протенции* как предвосхищающему будущее имманентному комплексу внутреннего потока сознания временности). Как замечает В.Л. Васюков, Гуссерль заменяет «темпоральную модификацию» Франца Brentano понятием ретенции – специальной разновидностью интенциональной очевидности, в которой сознание *располагает* собственным содержанием, т. е. имманентно обладает прошедшим в настоящем [2, с. 103]. В соответствии с принципом трансцендентно-имманентного предметного единства в феноменологическом реализме, в отношении обладания как постоянной *ре-актуализации* длящегося в сознании события возникает сложность. Каким образом может быть достигнута *пиковая* интенсификация присутствия в памяти того, что в качестве непосредственно данного не может быть сознанием *ре-актуализировано* в принципе, т. е. того предмета, в отношении которого *изначальная* *Теперь-точка* не была установлена и который не был воспринят сознанием на *гилетическом* уровне?

Получается, что в отношении предмета, объективное бытие которого связано только с прошедшим временем, укоренённое в настоящем времени сознание в принципе не может осуществить его *ре-актуализацию*, поскольку последовательность *Теперь-точек* оказывается *разорвана*, лишена изначальной *Теперь-точки* и, возможно, ряда следующих за ней *Теперь-точек*. Что же именно в таком случае должно актуализировать сознание? Некое предпосланное его собственному бытию «объективное» знание о событии? Но, согласно феноменологии смысл может конституироваться только как собственный и лишь вследствие этого осуществляться в качестве универсально значимого. Не ведёт ли данная ситуация к бесплодию памяти, к обречённости на забвение о событиях прошлого, о котором предостерегал сам Гуссерль: «Об истекших интервалах (темпоральных интервалах. – Д.М.) мы говорим: они осознаются в ретенциях, и притом не строго разграниченные части или фазы длительности, которые находятся в окрестности актуальной *Теперь-точки*, осознаются с уменьшающейся степенью ясности; более отдалённые фазы, лежащие ещё далее в прошлом осознаются совершенно неясно, как пустые. И точно так же после протекания вот длительности: по мере отдаления от актуального теперь близлежащее к нему обладает ещё некоторой ясностью, тогда как целое исчезает во мраке, в пустом ретенциальном сознании, и исчезает в конце концов полностью <...> как только прекращается ретенция <...> Чем дальше мы отдаляемся от *Теперь*, тем большая обнаруживается расплывчатость и слитность» [6, с. 28–29]?

Дело, однако, обстоит не столь печально, как может показаться. Следует помнить, что ретенция не является простым воспоминанием. Неоднократно подчёркивая данный момент, Гуссерль различает интенционально пустую и интенционально наполненную ретенции. Пустая ретенция и обуславливает указанный «затухающий» комплекс *лишь* осознаваемых, но не поддержанных конститутивными актами их актуализации в настоящем времени воспоминаний. Эти *осознаваемые*, но не *воссоздаваемые* воспоминания и являются опустошаемым, уносящим смысл как бы *противопотоком* внутреннего сознания времени – движением вспять без *следа* трансценденции и возможности актуализации сущего / события, в котором

смысл выхолащивается, рассеивается и, вследствие этого, не может быть *ре*-актуализирован памятью. Следует предположить, что в отношении конституирования темпорального дления гилетически не фундированного в памяти события ретенции должны иметь *иные* формы интенционального наполнения, нежели нерелексивные формы первоначального восприятия. Намёк на решение данной проблемы даётся, опять же, самим Гуссерлем: «Настоящим (*Gegenwärtis*) является осознание прошедшего, прошедшее как осознанное в настоящем в сознании, но само прошедшее не есть в настоящем, оно схватывается, причём схватывание направляется на осознанное в сознании прошлого. Но следует возразить: это само по себе не ясно, и что всё-таки в ретенциальном сознании может быть отрефлектировано бытие-бывшего-в-настоящем (*Gegenwärtig-gewese-Sein*) соответственно бытие-в-качестве-осознанного-как-бывшее-в-настоящем (*Als-gegenwärtig-bewusst-gewesen-Sein*), даже там, где оно могло быть несхваченным» [7, с. 70]. Что имеется в виду?

Особенностью интенционального наполнения ретенции как имманентной формы актуализации последовательности Теперь-точек выступает весьма необычная, если не сказать гениальная, мысль Гуссерля о том, что интенционально наполненные ретенции являются *восполняющими* «конституентами» *друг для друга*. Это значит, что *сами* интенционально наполненные ретенции обуславливают свою дальнейшую *взаимонаполняемость*: «Идя вдоль потока, или вместе с ним, мы имеем постоянный, относящийся к изначальной точке ряд ретенций. Кроме того, каждая предыдущая точка этого ряда в качестве некоторого Теперь оттеняется опять-таки в смысле ретенции. К каждой из этих ретенций присоединяется, таким образом, непрерывность ретенциальных изменений, и эта непрерывность сама есть опять-таки точка актуальности, которая оттеняется ретенциально. Это не ведёт к простому бесконечному регрессу, так как каждая ретенция есть в себе непрерывная модификация, которая <...> несёт в себе наследие прошлого, принимая форму рядоположенности оттенков. Дело обстоит не так, что в продольном измерении потока каждая предыдущая ретенция заменяется новой, пусть даже это происходит постоянно. Скорее, каждая последующая ретенция есть не просто непрерывная модификация, исходящая из первичного впечатления, но непрерывная модификация всех непрерывных модификаций той же самой начальной точки. <...> Когда истек временной объект, когда актуальная длительность уже миновала, то при этом ни в коем случае не исчезает сознание уже теперь прошедшего объекта, хотя оно уже более не функционирует как воспринимающее, или, лучше сказать, импрессиональное сознание. (При этом мы удерживаем как и прежде в нашем внимании имманентные объекты, которые не конституируются собственным образом в восприятии). К впечатлению присоединяется первичная память, или, как мы говорили, ретенция. <...> Ибо непрерывность фаз, которая присоединялась к каждому Теперь, была ничем иным, как такой ретенцией, или непрерывностью ретенций. В случае восприятия временного объекта (для нынешнего рассмотрения не играет никакой роли, возьмем мы имманентный или трансцендентный) оно имеет границу каждый раз в схватывании Теперь, в восприятии в смысле Как-Теперь-полагания (*Als-Jetzt-Setzung*)» [6, с. 32–33]. Актуализируемая подобным образом последовательность Теперь-точек в действительности оказывается *континуумом*, где каждая последующая актуализация изначальной Теперь-точки содержит в себе единство изначальной Теперь-точки и Теперь-точек, следующих за ней.

Таким образом, в случае разрыва гилетического восприятия изначальной Теперь-точки отстоящим от неё в объективном времени сознанием (и даже от ряда следующих за ней Теперь-точек) конституирование памяти об этих событиях будет означать *восполнение континуума* в качестве интенционального наполнения ретенциального комплекса. Теперь мы должны поставить вопрос предельно конкретно: что именно будет обеспечивать *смысловую целостность континуума* Теперь-точек как континуума смысла *одного и того же* события в случае указанного гилетического разрыва? Не идёт ли в данном случае речь о возможности *опосредованной* актуализации изначальной Теперь-точки, например, на уровне *ноэматического* единства смысла, скоррелированного, в соответствии с принципами феноменологического реализма, с единством трансцендентного сущего / события [1, с. 386]? С нашей точки зрения, именно об этом и должна идти речь, а *восполняющим* конституентом изначальной Теперь-точки должен выступить *эйдос*,

или нозматически конституируемый смысл имманентно *присваемого* интенциональным сознанием события. В этом случае «стартовая позиция» конституирования темпоральных структур исторической памяти оказывается не на уровне исходного гилетического восприятия события и, следовательно, не на уровне его нозтического схватывания, а на уровне эйдоса нозмы.

Наше предположение состоит в том, что интенсивное конституирование *эйдоса* в состоянии *восполнить* отсутствие или недостаток непосредственной гилетической данности нозтической составляющей интенционального наполнения ретенциального комплекса. В таком случае, эйдос события как его *конституируемый смысл* выступит в качестве формы интенционального наполнения ретенциального комплекса континуума Теперь-точек. Однако, можно ли вообще вести речь о каком-либо *идеальном* восполнении памяти, если в феноменологии Гуссерля сам смысл «не *преддан*, не является чем-то готовым», но представляет собой «лишь срез некоего непрекращающегося генезиса» [8, с. 191]? Допустима ли, в таком случае, *априорная смысловая нагруженность* интенционального наполнения ретенциального комплекса? Это – сложный вопрос, ответ на который предполагает прояснение того, что в данном случае подразумевает слово «нагруженность». Указывает ли оно на необходимость признания *предданного* нашим собственным конститутивным актам метафизического смысла или теоретически фундированной, т. е. *внеопытной для нас*, системы значений? С нашей точки зрения – нет, не означает. Поясним нашу позицию.

В первую очередь, необходимо иметь в виду конститутивную *свободу*, которой располагает феноменологический субъект памяти, *жестко не связанный*, как подчёркивалось выше, с протеканием объективного времени. По замечанию Гуссерля, «конституирование самого времени и наполняющего его <...> окружения предполагает репродукцию и свободные возможности Я посредством репродукции проникать во временной горизонт и “ре”актуализовывать (*zu “ver” gegenwärtigen*) прошедшее в форме “Вновь” (*in der Form des “Wieder”*)» [7, с. 162]. И поскольку восприятие трансцендентного события в качестве его *hyle* оказывается недоступным современному сознанию, событие может быть схвачено и осовременено им иначе – в более «свободной» форме активности, к примеру, на основании интенциональной структуры *другого сознания*, в котором ретенциальный комплекс уже интенционально наполнен, а темпоральный поток конститутивно реализован. Будучи изолированным от трансцендентно недоступной ему фактичности события, современное сознание совершает акты эмпатии не в отношении самого события в его фактической данности, но в отношении *другого* внутреннего потока сознания времени – сознания, содержащего в себе и гилетическое восприятие, и нозтическое схватывание, и нозматическое конституирование эйдоса события.

Таким образом, интенсификация нозматической составляющей включает отнюдь не *предданное* теоретическое или метафизическое знание, но конститутивный *опыт* смыслополагания другого сознания, *эйдетическая* корреляция с которым в виде интеллектуальной эмпатии *восполняет* возможности интенционального наполнения собственного ретенциального комплекса. Эйдетическое *восполнение* ретенциального комплекса в данном случае представляет собой нозматический *преизбыток*, распределяющийся в структуре интенционального сознания в качестве горизонтов смысла, удостоверение в истинности которых требует же *собственного* установления корреляции между нозмой, ноззисом и тем гилетическим «следом» события, который предоставляет другое сознание. В этом, с нашей точки зрения, и заключается характер эйдетической адаптации принципа феноменологического реализма к интерсубъективному, а, в конечном счёте – социокультурному, измерению конституирования темпоральных структур исторической памяти. Данное предположение отчасти совпадает с замечанием О.Ю. Кубановой о том, что осовременивание другого сознания предполагает присутствие в моём собственном сознании *двух* темпоральных потоков [6, с. 98].

Но что представляет собой другое сознание, взятое в качестве истока конститутивной деятельности нашего собственного сознания в отношении исторической памяти? С нашей точки зрения, это может быть только сознание *свидетеля* исторического события, транслирующего в мир собственные конститутивные результирующие удержания, *воссоздания* в памяти и смыслополагания события. Поэтому свидетель события не есть просто очевидец, повествующий о его

фактичности и исторических реалиях. Свидетельство выступает более сложным и драматичным компонентом формирования памяти, поскольку, как мы отмечали в другой работе, содержит *известие о смысле* события, его глубинном телеологическом существе – духовной обоснованности и предназначенности человеку и человечеству [9]. В свидетельствах событие предстаёт, как и предполагается в феноменологии памяти и в соответствии с принципом феноменологического реализма, не только трансцендентным историческим, но и трансцендентно-имманентным событием жизни свидетеля, конститутивные акты которого раскрываются современному сознанию в качестве недостающего ему *имманентного* слоя исторического события.

Обратимся теперь к проблеме трансцендирования эйдетического конституента темпоральности исторической памяти в социокультурном пространстве.

Как верно замечает Г.И. Чернавин, проблема смысла в феноменологии Гуссерля выходит далеко за рамки чистой дескрипции, апеллируя к смысловой сфере познания: «Говоря о смысле, феноменолог гуссерлевского типа, прежде всего, опирается на констатацию некоторого “избытка” (*Überschüss*), выходящего за рамки “голового” или чистого восприятия, “избытка”, благодаря которому нам дана та или иная вещь именно *в качестве* той или этой. Речь идёт о своеобразном “смысловом приросте восприятия”, несводимом к ощущению и раздражению, о смысловой схеме, размечающей восприятие. Понятие смысла укачивает на горизонт сопровождающего опыта, на сеть подразумеваний, из которых складывается то или иное сущее *в качестве* определённого сущего. Центральной здесь является эта “структура “в качестве”” (*Als-Struktur*); это то, что позволяет нам узнать, например, белый лист бумаги именно в качестве белого листа – эта структура рассматривается как определяющая для всякого смыслообразования» [8, с. 190–191].

Исходя из сказанного, зададим вопрос о специфике *идеи*, способной выступить горизонтом эйдетического конституирования, компенсирующего отсутствие изначального восприятия тех событий, на которые мы указывали выше как на предельные смысловые содержания исторической памяти в современном белорусском обществе – Великой Отечественной войны, нацистских лагерей смерти, белорусских огненных деревень, Холокоста? Конечно, ответ на этот вопрос предполагает наличие *уже* осуществившихся конститутивных актов в сознании самого автора. С нашей точки зрения, идеальным горизонтом эйдетического конституирования указанных событий в сознании является идея *человека и человечности*. В работах, посвящённых проблеме феноменологического конституирования исторической памяти о событиях Великой Отечественной войны и Холокоста на основе свидетельств, мы подчёркивали, что данные события указывают на воплощение в определённом временном интервале *новой* идеи человека, на *откровение* о природе и смысле совершённых им деяний [9, с. 201–202], [10, с. 74–76]. Конститутивный характер *понимания* смысла этого *откровения из уст свидетелей* действительно позволяет в значительной мере компенсировать отсутствие гилетической *перводанности* событий, которые сохраняют в *сущностно* организованной памяти остроту своего восприятия и глубину связанных с ними переживаний.

Хотелось бы заметить, что в современной культуре исторической памяти Беларуси ситуация складывается сложная, неоднозначная. Несмотря на бесспорно значимое присутствие в культуре памяти военных кинохроник и художественных фильмов-повествований о войне Виктора Турова («Война под крышами», «Сыновья уходят в бой»), Элема Климова («Иди и смотри»), Ларисы Шепитько («Восхождение»), Сергея Колосова («Вызываем огонь на себя», «Помни имя своё»), представленный в них и подобных им выдающихся произведениях искусства глубокий анализ духовных оснований человеческого бытия, крайне редко рассматривается социально-гуманитарными науками в качестве *экзистенциального синтеза гештальт-конститутивных образов человечности как таковой*. То же следует сказать и в отношении произведений таких мастеров художественного слова, повествующих о Великой Отечественной войне и Холокосте, как Алесь Адамович, Василь Быков, Василий Гроссман, Ольга Берггольц, Александр Чаковский, Илья Эренбург, Северина Шмаглевская, Элиезер Визель, Примо Леви, Пауль Целан. Вместе с тем, полноценное рефлексивное и конститутивное присутствие созданных этими свидетелями и художниками *образов-идей* человечности в

сознании современного, в особенности юного, молодого человека и гражданина, является важнейшим требованием к формированию воспитательно-образовательных стратегий в средних и высших школах. В контексте же реалий информационной и социально-политической конфронтации, неотрывно сопровождающей формы общественной актуализации исторической памяти, следует учитывать их *абсолютную* значимость.

Будучи убеждены в возможности и необходимости глубинного социокультурного освоения великих образов и идей человека и человечности в качестве идеальных горизонтов эйдетических форм актуализации исторической памяти, считаем, что данное освоение требует колоссальных усилий в рамках нового государственного и общественного проекта *Просвещения*. Предметом усилий, на наш взгляд, выступает *тип* сознания, способного к интеллектуальной эмпатии и формированию императивных слоёв исторической памяти и социального действия. В рамках подобного социального проекта трансцендирование конститутивных смыслов подразумевает определённый порядок инициирования личностно осуществляемых конститутивных актов, долговременное формирование расположенности сознания к работе со смыслами и его настроенности на понимающее познание в целом. При этом глубина эмпатии и степень её конститутивной достоверности напрямую зависят от конкретных форм социокультурного воплощения актов утверждения жизни и добра как сущностного предназначения человека – его *человечности*. Иначе говоря, трансцендируемые в социум идеи человека и человечности и конститутивные эйдосы исторической памяти, основанные на свидетельствах о значимых событиях прошлого, призваны стать внутренне желанным, действительно-мотивационным и обоснованным культурой памяти смыслом личностного и социального бытия.

Литература

1. Штрёкер, Э. Гуссерлевская идея феноменологии как обосновывающей теории науки / Э. Штрёкер // Современная философия науки : знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей запада (хрестоматия) ; сост., пер., вступ. ст., ввод. замеч., коммент. А. А. Печёнкина. – М. : Логос, 1996. – С. 376–392.
2. Васюков, В. Л. Формальная феноменология / В. Л. Васюков. – М. : Наука, 1999. – 223 с.
3. Тыменецка, А.-Т. Феноменология отвечает на вызов прагматической проверки : мера / А.-Т. Тыменецка // Вопр. философии. – 2005. – № 11. – С. 145–162.
4. Tymieniecka, A.-T. Phenomenology and science in contemporary European thought / A.-T. Tymieniecka. – Toronto : Ambassador Books, Ltd., 1962. – 198 p.
5. Кубанова, О. Ю. Проблема интерсубъективности в «Картезианских размышлениях» Э. Гуссерля / О. Ю. Кубанова // Историко-философский ежегодник '91 ; отв. ред. Н. В. Мотрошилова. – М. : Наука, 1991. – С. 87–107.
6. Гуссерль, Э. Феноменология внутреннего сознания времени / Э. Гуссерль ; пер. с нем. В. И. Молчанова. – М. : Гнозис, 1994. – 162 с.
7. Гуссерль, Э. Бернау-манускрипты о сознании времени (1917/1918) / Э. Гуссерль // Феноменология времени / Э. Гуссерль, А. Шнелль ; пер. с нем. и франц. Г. И. Чернавина. – М. : Группа Компаний «РИПОЛ-классик» / «Панглосс», 2019. – С. 43–173. – (Сер., «Феноменология : Современные переводы»).
8. Чернавин, Г. И. Подвалы времени. Конструктивная феноменология Александра Шнелля / Г. И. Чернавин // Феноменология времени / Э. Гуссерль, А. Шнелль ; пер. с нем. и франц. Г. И. Чернавина. – М. : Группа Компаний «РИПОЛ-классик» / «Панглосс», 2019. – С. 175–196. – (Сер., «Феноменология : Современные переводы»).
9. Малахов, Д.В. Феноменологическая герменевтика события Холокоста на основе «Tenebrae» Пауля Целана / Д. В. Малахов // Известия ГГУ им. Ф. Скорины. – 2022. – № 1. – С. 196–202.
10. Малахов, Д. В. Мыслимость Откровения : к событию Шоа / Д. В. Малахов // Reflexio. – 2021. – № 1 (14). – С. 38–82.